

**Максимиан –
Дело о любви**

«Литнет»

2026

– М.

Дело о любви / М. – — «Литнет», 2026

Когда на город опускается «Белая Чума», пожирающая не плоть, а души, оперативник Гордеев знает: столкновение неизбежно. В поисках логова он встречает вампирессу. Женщину с глазами из ночного неба и голодом, который она пытается обуздать. Они должны были быть врагами. Вместо этого они становятся союзниками в смертельно опасной игре. Их влечение — запретное, острое, как лезвие, и обречённое, как рассвет для ночного хищника. Но как далеко можно зайти, спасая мир, если цена — твоя собственная душа? И что останется, когда закончится последняя совместная ночь перед боем?

© – М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

Дело началось с тишины. Не той, что между звуками, а живой, выгрызающей тишиной, что остается после крика, который так и не сорвался с губ.

Меня вызвали в городскую больницу №4, в психоневрологическое отделение. Не мое обычное поле, но в голосе дежурного врача, что звонил в участок, сквозила та плетущаяся по нервам паника, которую не спутаешь с обычным человеческим страхом. Там был привкус потустороннего.

Коридор пах хлоркой, тлением и несбывшимися надеждами. Заведующий отделением, немолодой мужчина с трясущимися руками и запавшими глазами, встретил меня у дверей палаты 307.

— Гордеев? — спросил он, глядя на мой плащ скорее с отчаянием, чем с облегчением. — Я... не знаю, что это. Мы не знаем.

Он распахнул дверь. В палате, залитой мертвенным светом люминесцентных ламп, на кровати сидел молодой парень. Лет двадцати пяти. Он сидел прямо, руки сложены на коленях, взгляд устремлен в белую стену. Он был жив — грудь медленно поднималась и опускалась. Но в этом не было жизни. Это была работа пустого механизма.

— Павел Семенов, — прошептал врач. — Нашли три дня назад в парке. На скамейке. Так и сидел. Документы при нем... А он...

— Шепчет, — закончил я за него.

Да, Павел шептал. Бесперерывно, однотонно, без интонации, как тикают сломанные часы. Звук был похож на шипение песка, сыплющегося между старыми страницами. Я подошел ближе, наклонился.

— ...и трава была мокрая от росы а мама сказала не ходи босиком простудишься а я побежал и заноза впиалась в пятку и плакал, а она вынула иголку и поцеловала и стало не больно и трава была мокрая от росы, а мама сказала не ходи...

Это был обрывок. Детское воспоминание. Вырванное, лишенное контекста, лишенное души, обреченное на вечное прокручивание в пустой скорлупе.

— Он... не останавливается, — сказал врач. — Не ест, не пьет. Капельницы держит. Но если подойти близко... посмотрите.

Врач сделал осторожный шаг к кровати. Ритм шепота не изменился, но тело Павла вдруг резко, с деревянным скрипом, повернуло голову, и я увидел глаза.

Радужки были тусклыми, выцветшими, как старый акварельный рисунок, смытый водой. А зрачки... Зрачки были абсолютно белыми. Не мутными, не затянутыми катарактой. Это были два крошечных, мертвенных фонарика, лишенные тьмы, лишенные глубины. В них не отражался свет. Они его излучали. Холодный, больничный, ненастоящий свет.

В груди у меня сжалось знакомое, ледяное чувство. Это был не побег, не психоз. Это был почерк. Что-то вынуло из этого человека не разум, а саму ткань его жизни, оставив только один заигранный до дыр обрывок.

— Были другие? — спросил я, не отрывая взгляда от белых зрачков.

Врач замаялся.

— Две недели назад... похожий случай. Женщина. Шептала на французском, мы узнали позже, это были строки из свадебной клятвы. Она... умерла вчера. От истощения. Сердце просто остановилось.

— Где нашли?

— Возле старой водонапорной башни, на северной окраине.

Я кивнул, уже уходя из палаты. Воздух там был слишком густой, слишком пропитанный чужим, невысказанным ужасом.

— Никому ни слова, — бросил я врачу на прощание. — Если поступит еще один — звоните сразу по этому номеру. — Я сунул ему в ладонь свою визитку, на которой не было ничего, кроме семизначного номера телефона.

На улице уже сгущались сумерки. Я стоял у больничных ворот, втягивая в легкие холодный, грязный воздух города. Он был лучше, чем тот, что в палате. Здесь был запах машин, пыли, жизни — пусть и потной, нервной.

Из кармана плаща я достал блокнот, вывел твердым почерком:

«Дело №88-К. Предварительное название: «Белая чума».

Жертвы: лишаются жизненной силы, памяти, воли. Превращаются в «шептунов».

Ключевой признак: белые зрачки.

Почерк: не кровь, не плоть. Что-то другое. Тонкое. Голодное.

Место: северная окраина, водонапорная башня.»

Я уже собирался уходить, когда ветер донес до меня едва уловимый шлейф. Я замер.

Сквозь больничные миазмы, сквозь запах асфальта и осенней листвы пробивался тонкий, ледяной аромат. Замороженных роз. И под ним — едва уловимая, сладковатая нота старого пергамента, той самой пыли, что оседает на костях в склепах.

Это был не запах смерти. Это был запах вечности. Вечной, ненасытной пустоты.

Дело было открыто. Охота началась.

Дорогие мои, добро пожаловать во вторую книгу про капитана Гордеева.

Егор Гордеев — капитан милиции, чья специализация не значится в штатном расписании. Он расследует преступления, которых не может быть: пропавшие дети, похищенные души, убийства, где жертвы умирали ещё до того, как их сердце остановилось. Его кабинет — на стыке реальностей. Его улики — запах сухих поганок, иней на тенях, детский смех в заброшенных шахтах.

Цикл «Дела Егора Гордеева» — это серия расследований, где каждое дело становится шагом в неизвестность. Рассказы, повести и романы об оперативнике, который знает: нежить реальна, фольклор — это криминалистика, а самое тёмное зло всегда прикидывается сказкой.

Добро пожаловать в мир, где по ту сторону закона — не хаос, а древний, голодный порядок. И у него есть имя.

Глава 2

Водонапорная башня стояла как забытый часовой на краю города, где асфальт сдавался под натиском бурьяна и ржавых гаражей. Циферблат её высоты был испещрен граффити и временем. Я приехал сюда, когда последний отсвет заката тонул в грязном мареве над трубами ТЭЦ.

Здесь не было запаха замороженных роз. Только запах ржавого металла, влажной штукатурки и чего-то кислого — может, старого вина, может, разлитого аккумуляторного электролита. Я обошел башню. Ничего. Ни следов борьбы, ни обрывков одежды, ни того леденящего чувства присутствия, которое обычно остается после подобных «кормлений».

Но мой внутренний компас, тот, что тикал в висках холодной стрелкой, когда я приближался к месту разлома, молчал. Возможно, я опоздал на две недели. Возможно, это было просто место, куда вынесли уже опустошенное тело.

Я уже собирался уходить, когда нога нащупала на земле не камень. В свете фонаря это оказался невзрачный комок — платок, женский, с едва видимым кружевным краем. Он был абсолютно чист, почти стерилен, но мертвенно-холодный, будто только что из морозильной камеры. И на нем, слабо, но узнаваемо, витал тот самый шлейф — розы и пергамент.

Я присел на корточки, разглядывая платок, но не трогая его голыми руками. Именно тогда я увидел это.

Тень от башни, длинная и уродливая в косых лучах моего фонаря, лежала на земле. Но там, где она должна была просто поглощать свет, на ее поверхности, будто иней на черном стекле, сверкали микроскопические кристаллики. Они не таяли. Они были частью самой тени. Это был не физический иней, а след. След энергетического источения, вымораживания самой ткани реальности.

«Питается не кровью, — промелькнула мысль. — Питается жизнью. Теплом. Памятью. Оставляет холод и пустоту. И этот холод... кристаллизуется».

Я достал из внутреннего кармана плаща небольшой амулет — плоский камешек с просверленным отверстием, на который была намотана серебряная нить. Старый способ. Поднес его к мерцающей тени. Нить не дрогнула. Амулет не нагрелся. Значит, не нечисть в классическом понимании. Не демон, не призрак. Что-то иное. Паразит более высокого порядка.

Раздался звук.

Не скрип, не шаг. Это было похоже на то, как по натянутой струне проводят мокрым пальцем. Звук шел сверху. Я медленно поднял голову, гася фонарь.

На самом верху башни, на узком карнизе под куполом, стояла фигура. Высокая, неестественно прямая, закутанная в то, что с расстояния казалось просто более густой, живой тенью. Я не видел лица. Но я чувствовал взгляд. Он был тяжелым, как свинцовая плита, и холодным, как глубины космоса. В нем не было злобы. Был только бездонный, аналитический голод. Он изучал меня. Как хирург изучает анатомический атлас перед вскрытием.

Инстинкт кричал: бежать, стрелять, спрятаться. Но я знал правило: никогда не показывать спину тому, кто быстрее тени. Я замер, встречая этот взгляд. В кармане моя рука уже сжимала рукоять пистолета, ствол которого был испещрен не баллистическими, а обережными насечками.

Фигура не двигалась. Мы стояли так, может, минуту. Может, час. Время в таких местах течет иначе.

Затем она сделала едва заметное движение — поворот головы, будто уловила какой-то другой, более интересный запах на ветру. И растворилась. Не прыгнула, не упала. Она просто расплылась, как чернильная капля в воде ночи, став частью темноты.

На карнизе, где она стояла, осталось пятно. Пятно еще более густой, почти осязаемой тьмы, из которой медленно, словно пепел, сыпались вниз те самые ледяные кристаллики.

Я выдохнул. Воздух вырвался из легких белым облаком. Температура вокруг упала на добрых десять градусов.

Опустошение. Оно просто изучало территорию. Или... искало что-то. Кого-то.

Я посмотрел на платок в руке. На холодную, безжизненную тряпицу. Это была не улика жертвы. Это было предупреждение. Или приманка.

В кармане зажужжал телефон. Глухая, неотвязная вибрация. Я поднес аппарат к уху, не отводя глаз от вершины башни.

— Гордеев, — сказал я.

В трубке послышался сдавленный, почти истеричный шепот того самого врача из больницы.

— Третий... Только что привезли. Нашли на рынке... среди ящиков. Он... он шепчет про звезды. И у него... у него тоже белые глаза. И... — голос врача сорвался, — он все время повторяет одно имя.

— Какое?

— Алиса. Он шепчет: «Алиса... не смотри... Алиса... убегай...»

Тишина в трубке стала густой, как смола.

— Спасибо, — тихо сказал я и разъединил связь.

Алиса...

Имя висело в холодном воздухе, смешиваясь с запахом ржавчины и незримым шлейфом замороженных роз.

Дело обретало форму. И форму эту звали Алисой. Жертва? Сообщница? Или сама причина этого белого, шепчущего кошмара?

Я сунул ледяной платок в специальный полиэтиленовый пакет и последний раз глянул на башню. Карниз был пуст. Но ощущение взгляда, тяжелого и голодного, не отпускало всю дорогу до машины.

Оно теперь знало обо мне. И я — о нем.

Охота перешла в новую фазу. Из поиска улик — в игру в кошки-мышки. И я еще не был уверен, кто здесь кошка.

Глава 3

Ночной рынок после закрытия — это место-призрак. Прилавки, накрытые синим брезентом, похожи на могильные холмы. Воздух густой от запаха гниющих овощей, крови из мясных рядов и пыли. Я шел между рядами, фонарь вырезал из тьмы острые углы и пустые пространства. Дежурный участковый, бледный как полотно, показал мне место.

— Тут, между ящиками с яблоками. Лежал, свернувшись калачиком. Как спящий. Только... шептал.

Я направил луч фонаря. На асфальте не было ни крови, ни следов борьбы. Только небольшое пятно — будто кто-то пролил воду и она быстро испарилась, оставив едва заметный, маслянистый налет. Иней. Такой же, как на тени у башни.

— Где сейчас пострадавший? — спросил я, не отрывая взгляда от пятна.

— Уже в «четвертой». Скорая только что уехала.

— Он что-нибудь говорил? Перед тем как его увезли?

Участковый помялся.

— Шептал все время. Одно и то же. «Звезды такие холодные... Алиса... не смотри в их свет... убегай...» Бред какой-то.

«Не смотри в их свет».

Это была не бессвязность. Это было предупреждение.

Я присел на корточки, доставая из плаща не пистолет, а маленький, тщательно отполированный латунный цилиндр — ловушку для эфирных следов. Поднес его к маслянистому пятну. Цилиндр дрогнул в руке, и внутри что-то слабо звякнуло, как будто по стеклу ударили ледяной сосулькой. Холод прошелся по моим пальцам.

— Что это? — участковый отшатнулся.

— Температура, — солгал я, пряча цилиндр. — Резкий перепад. Идите, составьте протокол. Я осмотрюсь.

Когда он ушел, я остался один в этом царстве теней и забытых товаров. Я искал не обычные улики. Я искал разрыв. То место, где реальность была тоньше, где этот... эфирный вампир мог подобраться к жертве незамеченным. Мой взгляд упал на старые, остановившиеся часы над входом в административное здание рынка. Стрелки замерли на без двадцати пяти двенадцать. На циферблате — трещина. И тут я понял. Не «где». А «как».

Он не нападал физически. Он ждал. Ждал момента, когда человек оставался один в тишине, между делом, в промежутке. Когда мысли текли свободно, а внимание рассеивалось. И тогда он... подключался. Как пиявка. Высасывал не кровь по венам, а воспоминания, чувства, самую жизненную силу по невидимым каналам. Рынок после закрытия — идеальное место. Одинокiй грузчик, сторож, забредший бродяга...

Внезапно фонарь в моей руке померк. Не сели батарейки. Свет погас, будто его поглотила сама тьма. Я замер, слушая. Тишина стала абсолютной. Исчезли даже далекие звуки города.

Я услышал шаги. Не по асфальту. По... воздуху? По самой ткани тишины. Легкие, едва уловимые. Они приближались со стороны мясных рядов.

Я медленно повернулся, оставляя фонарь мертвым грузом в руке. В глубине прохода, в двадцати метрах от меня, стояла она.

Не та высокая, безликая фигура с башни. Это была женщина. Или то, что выглядело как женщина. Высокая, очень худая, в длинном, темном, струящемся пальто, которое сливалось с тенями. Лица не было видно — его скрывал капюшон и тот неестественный мрак, что висел вокруг нее, как густой туман. Но я видел руки. Бледные, почти прозрачные, с длинными тонкими пальцами. В одной из рук она держала цветок. Белую, замерзшую розу. Лепестки были покрыты инеем.

Мы смотрели друг на друга через мертвое пространство рынка. От нее не исходило той волны всепоглощающего голода, что от фигуры на башне. От нее веяло... печалью. Глубокой, старой, как сама ночь. И страхом. Таким же острым, как мой собственный.

— Ты... не один из них, — сказал я, и мой голос прозвучал громко в абсолютной тишине.

Она не ответила. Ее голова слегка наклонилась, будто она прислушивалась к моим словам издалека, сквозь толщу воды.

— Алиса? — спросил я тише.

При этом имени она вздрогнула. Ее пальцы сжали стебель розы так сильно, что он сломался с тихим, хрустальным звуком. Замерзший бутон упал на асфальт и разбился, как стекло.

— Ты знаешь мое имя, — её голос донесся до меня. Он был не таким, как я ожидал. Не скрипучим, не зловещим. Он был низким, бархатным, полым — как звук в пустой соборной ракушке. В нем была усталость. Тысячелетняя усталость. — Они тоже теперь знают. Они слышали его из... из того, что осталось от того человека.

— Кто «они»? — Я сделал шаг вперед, осторожно, как к раненому зверю.

— Моя семья, — она произнесла это слово с такой горечью, что в нем не осталось ничего от тепла. — Моя голодная, ненасытная семья. Они ищут меня. А находят... таких как он. И кормятся, чтобы стать сильнее в поисках.

— Они питаются людьми.

— Они питаются жизнью, — поправила она. — А люди — её самые яркие, самые сочные сосуды. Как этот рынок. Всё здесь пропитано ею — криками торговцев, радостью покупок, усталостью после дня... Они приходят на такие места, как на пир.

— А ты?

Она помолчала.

— Я не пирую. Я... добываю крохи. У животных. У растений. У умирающих от старости. — В её голосе прозвучала дрожь, может, от голода, может, от стыда. — Это все равно, что питаться прахом. Но это позволяет мне не стать... как они. Не стать Белой Чумой.

Это название прозвучало в воздухе, и стало ещё холоднее.

— Тот человек... он сказал «убегай», — напомнил я.

— Потому что он видел, что они идут, — прошептала она. — Они близко. Они почуяли меня здесь. И теперь они почуяли тебя. Ты пахнешь... необычно. Не просто жизнью. Ты пахнешь вниманием. И волей. Для них это редкий деликатес.

Она сделала шаг назад, и тень сомкнулась вокруг нее плотнее.

— Мне нужно идти.

— Жди, — моя рука сама потянулась вперед. — Я могу... Я расследую это дело.

В первый раз за вечер она издала что-то похожее на звук, отдаленно напоминающий горький смех.

— Расследовать? Это не дело для следователя, человек. Это буря. А ты — свеча. Тебя просто задует.

— Я тушил и не такие бури, — сказал я твердо. — Они оставляют следы. Значит, их можно найти и остановить.

Она замерла, и мне показалось, что сквозь туман, скрывающий ее лицо, на меня уставились два пятна слабого, фосфоресцирующего света.

— Ты и правда не боишься.

— Боюсь, — признался я. — Но если я перестану делать свою работу из-за страха, то стану таким же «шептуном». Только шептать буду от собственной трусости.

Долгая пауза. Потом она медленно подняла руку и указала темным рукавом в сторону северной окраины, дальше башни.

— Старый санаторий «Сосновая Роща». Они устроили там... гнездо. Порталы между мирами там тонки. Им легко кормиться. Но это ловушка. Для тебя.

— А для тебя?

— Для меня это дом, из которого я сбежала, — её голос стал совсем тихим. — И я не могу туда вернуться. Но... если ты действительно пойдешь... я... я могу попытаться показать дорогу. Извне. Это все, что я могу.

Она снова стала растворяться в темноте, превращаясь в размытое пятно.

— Почему? — спросил я. — Почему помогаешь?

Её ответ донесся уже как эхо:

— Потому что он сказал «убегай». Потому что я устала бегать одна.

И она исчезла. Фонарь в моей руке резко вспыхнул, ослепляя меня. Звуки города вернулись — гул машин, далекая сирена. Я стоял один среди ящиков, а у моих ног лежали осколки замерзшей розы, медленно таявшие в луже грязной воды.

В кармане жужжал телефон. Врач. Наверное, новая жертва.

Я вынул блокнот. Добавил к записи.

«Объект «Алиса» — не источник угрозы. Беглец. Источник информации.

Логово угрозы: санаторий «Сосновая Роща».

Природа угрозы подтверждена: «Белая Чума». Питаются жизненной силой, эмоциями, памятью.

Новая цель: разведка санатория. Контакт с «А.» сохранить.

Примечание: объект «А.» проявляет аффект, похожий на страх и... одиночество. Будьте осторожны. Не только с ней. С собой.»

Я посмотрел в ту сторону, где она исчезла. Воздух все еще хранил слабый шлейф мороза и печали.

Свеча против бури. Возможно. Но иногда именно свеча находит путь в самом сердце урагана.

Глава 4

Мой кабинет никогда не был уютным местом. Это был арсенал, архив и келья. Пахло пылью, старым дерев

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.